

- [Culture of national safety of Russia: history and modernity (social and philosophical analysis)]. Moscow, 1996. 140 p.
9. Ratcel F. *Politische Geographie*. Munch; Leipzig. 1897. 394 p. (Russ. ed.: Rattsel F. *Politicheskaya geografiya*. Moscow, 1997. 395 p.).
  10. Kondakov I. V. *Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury (teoreticheskij ocherk)*. [Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay)]. Moscow, 1994. 430 p.
  11. Losskij N. O. *Istoriya russkoj filosofii* (The History of Russian Philosophy). Moscow, 1991. 559 p.
  12. Durkheim E. *Lecons de sociologie*. Paris, 1950. 490 p. (Russ. ed.: Dyarkgeim E. *O razdelenii obshchtvennogo truda. Teksty po istorii sotsiologii XIX–XX vv.*). Moscow, 1994. 383 p.
  13. Sagatovskij V. N. *Russkaya ideya: prodolzhim li prervannyj put'*. *Khrestomatiya po filosofii. Izd. 2-e, pererab. i dop.* (Russian idea: whether we continue the interrupted path. Reading book on philosophy). Moscow, 1997, pp. 540–571.
  14. Ustrjalov N. G. *Russkaja istorija do 1855 goda: v 2 chastjah* (Russian history till 1855). Petrozavodsk, 1997. 960 p.
  15. Rudnev V. A. *Slovo o knjaze Vladimire* (The epic of Prince Vladimir). Moscow, 1989. 256 p.
  16. Aksakov K. S. *Nravy i obychai drevnih slavjan vobshhe i russkih slavjan v chastnosti* (Dispositions and customs of the ancient Slavs in general and Russian Slavs in particular). St. Petersburg, 1852. 178 p.
  17. *Za altari i ochagi* (For the altars and the hearths). Moscow, 1989. 848 p.
  18. Afanas'eva A. I., Lihanova A. B. *Metamorfozy massovogo soznaniya rossijan* (Metamorphoses of mass consciousness of Russian people). *Socis*, 2009, no. 5, pp. 24–30.
  19. Tul'chinskij G. L. *Ob odnoj oshibke russkoj revoljucii* (About one error of Russian revolution). *Voprosy filosofii* (Problems of philosophy). 1995, no. 3, pp. 78–89.
  20. Vasil'ev V. *Armija i flot v rezul'tate neprodumannyh, nekompetentnyh reform nahodjatsja na grani gibeli* (As a result of reckless, incompetent reforms the Army and the Navy are on the verge of death), available at: <http://vmfrussia.ru/group/1/discussion/130/>

УДК 930.1

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ИСТОРИИ ЙОРНА РЮЗЕНА

А. А. Линченко

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк
E-mail: linchenko1@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу теории исторического сознания Й. Рюзена – одной из наиболее распространенных в современной зарубежной философии и теории истории. Подчеркивается, что исследование Й. Рюзеном сущности, структуры, процессов трансформации и социальных функций исторического сознания следует рассматривать в контексте идеи реабилитации модерна в современной зарубежной философии и поисков синтеза достижений нарративной и герменевтической философии истории. Обосновывается мысль о динамическом характере понимания Й. Рюзеном исторического сознания, что связано с интерпретацией исторического сознания как способности человека ориентироваться во времени, быть субъектом культуры памяти. Анализируются и осмысливаются ключевые понятия теории исторического сознания Й. Рюзена: исторический опыт, интерпретация, ориентация, нарративная компетентность, историческая культура. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития теории Й. Рюзена в направлении уточнения социально-онтологических оснований понимания исторического сознания.

Ключевые слова: историческое сознание, Й. Рюзен, нарратив, исторический опыт.

Современный взгляд на философию истории не позволяет говорить об однозначном ее

понимании. С одной стороны, в зарубежной философии истории давно уже сложилась вполне устоявшаяся традиция, отрицающая наличие её неких определенных метафизических оснований и критически воспринимающая всякую онтологическую (или субстантивную) философию истории. С другой стороны, философия истории в XXI в. существенно расширила круг своих интересов. Так, традиционные вопросы аналитической, герменевтической и нарративной философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, проблематикой исторических коммемораций, медийным дискурсом об истории, проблемами коллективной памяти и идентичности, национальными образами времени и исторического опыта, этическим измерением истории. По мысли Ю. А. Кимелева, «в настоящее время философия истории предстает как собрание отчасти независимых друг от друга, отчасти пересекающихся постановок вопросов, проблем, подходов, а также связанных с ними философских концептуализаций» [1, с. 91]. Это приводит к тому,

что вновь разворачиваются темы, казавшиеся исчерпанными. Одной из наиболее актуальных в этой связи оказалась проблема реабилитации модерна и признание его незавершенности. Более того, некоторые зарубежные (А. Данто, П. Бёрк) и отечественные (М. А. Кукарцева) исследователи вообще предлагают подходить к постмодерну как к реализации ряда скрытых тенденций позднего модерна. Все это порождает новые тенденции анализа конкретных философско-исторических проблем, одной из наиболее известных среди которых выступает проблема исторического сознания, его сущности, механизмов трансформации, целостности и роли в конструировании национальной и, возможно, постнациональной идентичности. При этом, надо признать, что немецкая философия и теория истории продолжают сохранять свое доминирующее положение в изучении проблемы исторического сознания, попытку комплексного анализа которого в контексте идеи синтеза и взаимодополнительности модерна и постмодерна в конце XX – начале XXI в. предпринял Йорн Рюзен.

Термин «историческое сознание» имеет немецкие корни и появляется во второй половине 30-х гг. XIX в. в работах представителей новотюбингенской школы. Однако подлинная философская концептуализация данного понятия в дальнейшем была осуществлена в рамках философии жизни, феноменолого-герменевтической и экзистенциальной философии, причем интерпретация исторического сознания, данная Х. Г. Гадамером, продолжает и сегодня оставаться одной из наиболее авторитетных. В отечественной философии историческое сознание в большей степени рассматривалась как категория социальной философии (Ю. А. Левада, И. С. Кон, М. А. Барг, В. А. Ельчанинов, В. Б. Устьянцев, А. Х. Самиев, М. Н. Чистанов и др.).

Основное отличие теории исторического сознания Й. Рюзена от других моделей (напр. Х.-Ю. Панделя, Б. фон Борриса) заключается в попытке соотнести историческое сознание с категорией времени и с социальной практикой, что вне всяких сомнений превращает данную модель в «онтологическую» по своему духу. Для Рюзена историческое сознание – придание смысла и значения опыту изменений во времени (*Sinnbildung über Zeiterfahrung*). Это раскрывается Рюзеном в трех основных понятиях, характеризующих вообще способность человека мыслить исторически: а) способность иметь опыт темпоральной инаковости; б) способность интерпретировать; в) способность к ориентации и самомотивации.

Принципиальная позиция Й. Рюзена, как и большинства современных немецких исследователей, – в невозможности четкого разделения прошлого, настоящего и будущего. Более того,

все три модуса времени, по его мнению, открыты друг другу, что означает, что «прошлое может стать лучше». При этом «улучшение» прошлого, по мысли Й. Рюзена, не следует отождествлять только с очередной интерпретацией хорошо известных фактов. Это трансформация опыта жизни, получающего новый статус, исходя из перспективы другого, нового прошлого: «... оно проникает в нас, в глубины нашей субъективности и одновременно *через нас и из нас* – в будущее, которое мы осмысленно проектируем для своего действия <...> призраки превращаются в “предков”». Из фактической условности возникает деятельный дух» [2, с. 61]. Ориентируясь на идею понимания «модерна как незавершенного проекта», Рюзен настаивает на необходимости синтеза рационализма и постмодернизма. По сути, он пытается вписать разум и рациональность в жизненный мир и эстетику постмодернизма. Данная идея была высказана им еще в начале 1980-х гг. в его книге, посвященной историческому опыту [3], где она была представлена в виде разработанной им так называемой «дисциплинарной матрицы исторической науки». Как известно, Й. Рюзен выделяет три основных измерения данной матрицы: политическую стратегию коллективной памяти, познавательную стратегию производства исторических знаний и эстетическую стратегию поэтики и риторики исторического изображения, проявляющихся в пяти принципах исторического мышления. Представим графический рисунок данной матрицы, уже приводившийся в русскоязычной литературе (рисунок) [4, с. 26].

Однако к осмыслению проблем исторического сознания немецкий исследователь идет через проблемы кризиса исторической науки, преодоление которого видится ему в расширении познавательных целей исторической науки и превращении ее в средство для эффективного практического использования в настоящем. Это означает, что равно необходимы как модернистский, так и постмодернистский взгляды на прошлое, синтез которых возможен только на путях некоей метаисторической точки зрения. Концепт «метаистории» Й. Рюзен во многом отождествляет с «историкой» И. Г. Дройзена, изучению которого он, как известно, посвятил свою докторскую диссертацию. Метаистория в его понимании – это место связи исторической науки, методологии исторического познания и философии истории [5, с. 79]. Любопытно, что метаисторическая точка зрения, по мысли немецкого исследователя, есть синтез идеи объективности, ориентированной на анализ опыта времени на основе источников и идеи нарративности (субъективности), под которой он понимает соотнесенность исторического мышления

Схема дисциплинарной матрицы исторической науки Й. Рюзена

с культурными практиками коллективной памяти и идентичности. Метаисторическая точка зрения показывает, как реализует себя историческое познание в практической жизни посредством своих нарративных форм. Говоря о необходимости метаисторической точки зрения как концепции универсальности исторического развития, которая должна «обобщить современный опыт растущего единого мира», Й. Рюзен в качестве фундаментального ее основания полагает универсальную систему ценностей, основанную на «нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре» [4, с. 25]. Только отыскание такого принципа в качестве основы для исторического смысла позволит, по мнению Рюзена, транслировать гуманность как последовательность истории. Таким образом, прошлое для Рюзена – это часть культуры памяти и деятельности исторического сознания, которое, и здесь он солидаризуется с постмодернистами, имеет нарративную природу. Исторический нарратив немецкий мыслитель определяет как «систему мыслительных операций, определяющих поле исторического сознания» [5, с. 10], в котором связываются два других ключевых понятия теории Рюзена – интерпретации и ориентации. Наиболее известной стороной концепции Й. Рюзена является его учение о четырех типах исторической наррации: традиционном, поучительном (*exemplary narrative*), критическом и генетическом. Так как данные типы наррации уже находили подробное рассмотрение в оте-

чественной литературе [6, с. 214–219], укажем лишь их общий смысл. Всякий процесс придания смыслу времени протекает, по мнению Рюзена, в одной из вышеперечисленных форм наррации или представляет собой их комбинацию. Если традиционный тип наррации призван сформировать мнение о незыблемости сложившихся социальных связей, укрепить с помощью знания о прошлом историческую идентичность, то поучительный актуализирует предохранение от ошибок прошлого, акцентируя внимание на общих законах и правилах, извлечении уроков из отдельных событий прошлого. Критический тип наррации диктует установку на переоценку любых традиционных способов толкования, а генетический, который Рюзен полагает самым значительным, стремится утвердить идею преемственности, не отрицающей все достижения предшествующего знания и историзирующей любой опыт времени.

Пространством реализации исторической наррации и формой ориентации человека во времени как раз и выступает историческое сознание. Оно понимается Рюзеном как совокупность ментальных операций (эмоциональных и когнитивных, сознательных и бессознательных), служащих цели соединения опыта прошлого, интерпретаций настоящего и ожиданий будущего, формирующих практическое ориентирование в жизни. Конструирование (придание) смысла прошлому и шире – времени – посредством наррации и выступает основной функцией исторического

сознания. Для характеристики этого Рюзен использует категорию «нарративной компетенции», понимаемой как способность к наррации, умение трансформировать опыт жизни в нарратив и посредством нарратива преодолевать и использовать его [7, с. 67–68]. Отталкиваясь от своей теории четырех типов исторической наррации, Й. Рюзен конструирует четыре типа исторического сознания, которые представляют собой ее расширенный вариант. Приоритетное значение генетического типа исторического сознания Рюзен объясняет необходимостью использования достижений возрастной психологии и теории морального развития Л. Кольберга, очень популярных сегодня в среде немецких исследователей исторического сознания (Ю. Штрауб, К. Кельбль). «В любом случае, – пишет Рюзен, – возрастная психология должна быть использована на всем поле проявлений исторического сознания» [8, с. 16].

В последние годы Рюзен начал движение в сторону понятия «историческая культура», которая есть, по сути, историческое сознание, схваченное в действии, и представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности [8, с. 211]. Необходимость перехода к концепту «исторической культуры», по мысли Й. Рюзена, связана с тем, что опыт времени переживается и интерпретируется в различных культурах по-разному. Все вышеобозначенные рассуждения привели Рюзена к несколько иной постановке проблемы исторического смысла и смыслообразования. Как известно, в европейской философии истории сложились три точки зрения на проблему смысла истории: единый, монистический смысл истории существует (исторический объективизм), смысл истории есть субъективная идея познающего историю человеческого разума (плюрализм и релятивизм смыслов). По мнению Ю. В. Перова, некий третий вариант представляет собой философская герменевтика, указывающая на открытый и дифференцированный характер целостности истории и смысла истории. Исторические смыслы конструирует, «достаивает» само человечество, пребывающее в потоке изменений [9, с. 74]. Однако эта идея, как указывал сам же Перов, во многом реализованная по отношению к индивидуальной человеческой экзистенции, трудноприменима к жизни общественной. Позиция Й. Рюзена, с первого взгляда, близка последней точке зрения. Но при более глубоком рассмотрении выясняется, что подход Рюзена как раз и является попыткой преодолеть вышеуказанную трудность экзистенциальной и герменевтической философии. При этом Й. Рюзен ориентируется не столько на «открытие» смысла истории, сколько

на анализ его внутренней структуры и механизмов исторического смыслообразования. Рюзен предлагает отделять историческое смыслообразование в исторической науке и метаистории. Куда более интересным представляется ему рассмотрение исторического смыслообразования в контексте культуры памяти, коллективного воспоминания, необходимых для ориентации в практической жизни. Подвергая анализу концепт «смысл истории», Й. Рюзен предлагает выделять в нем три измерения: содержательное (что передает смысл), формальное (как передает) и функциональное (для чего). Все эти три измерения соотносимы с категориями исторического опыта, интерпретации и ориентации и связываются посредством наррации [10, с. 56]. Замыкая исторический смысл на категории «историческая культура», немецкий исследователь предлагает понимать три указанных измерения исторического смысла как три сферы культурной практики – когнитивную, эстетическую и политическую.

Предлагая динамический взгляд на историческое сознание, немецкий ученый выделяет ключевое значение кризиса исторического сознания и его типов – нормального (исторические случайности включаются в повествование и приобретают смысл, ориентиры деятельности не разрушаются), критического (существенная трансформация исторической культуры, необходимость создания новой парадигмы исторического смысла), катастрофического (полное разрушение смысла). Историческое сознание разворачивается у него между борьбой непрерывности и прерывности, причем задача нарратива как важнейшего механизма исторического сознания как раз и видится Рюзеном в преодолении прерывности и конституирования связности и целостности «исторического полотна». Историческая идентичность рождается из непрерывности и питается определенным типом нарратива. Говоря о преодолении исторических травм, и прежде всего Холокоста, Йорн Рюзен предлагает «повторную травматизацию»: «должен быть изменен сам способ создания истории. Я размышляю о новом историческом повествовании, в котором описываемые травмирующие события оставляют свои следы в рамках самого значения <...> Повествование должно лишиться своей закрытости, своего глянца, покрывающего цепь событий <...> бессмысленность должна стать элементом, созидующим сам смысл» [11, с. 61]. Говоря о теории исторического сознания, представленной Й. Рюзеном, можно однозначно говорить о ней как о наиболее перспективной среди современных зарубежных моделей исторического сознания. Очевидные достоинства подхода Й. Рюзена к историческому сознанию связаны с его попыткой понять этот феномен как в контексте историко-теоретическом, так и

философско-историческом, ориентации на синтез достижений модерна и постмодерна, синтез реализма и нарративизма в философии и теории истории. Отталкиваясь от идеи научной рациональности, немецкий исследователь стремится выйти за пределы текстуальности и нарратива в понимании феномена исторического сознания и исторической культуры. Вместе с тем данные понятия не представляются тождественными и взаимозаменяемыми и требуют дальнейшего анализа.

Позволим себе ряд критических замечаний, которые можно было бы рассматривать как дальнейшие аспекты развития поставленных Рюзен проблем. В целом хотелось бы отметить недостаточную проясненность в его текстах социально-онтологических оснований его модели понимания исторического сознания. Очевидно, что он пытается идти к построению теории исторического сознания из исторической науки и дидактики истории, необходимость чего оспаривать трудно. Вместе с тем любой разговор о теории исторического сознания требует определенной социально-философской позиции. Во-первых, Й. Рюзен пытается соотнести историческое сознание с категорией времени, что не вызывает никаких возражений при условии понимания времени в его связи с пространством, рассмотрении социального времени и социального пространства в их единстве. А это требует постановки вопроса о социальном бытии как наиболее общем объекте отражения исторического сознания. Это тем более важно, если учитывать, что Й. Рюзен говорит о практической жизни как о важнейшем источнике, фундирующем трансформации и специфику исторического сознания. Во-вторых, взгляд на историческое сознание с позиции категории социального бытия как всей полноты социальной реальности в ее прерывности и непрерывности представляется более оправданным, если принять во внимание принципиальную позицию Й. Рюзена, полагающего, что историческое сознание не просто отражает и тематизирует время, но органически связывает все три его модуля. В-третьих, подобная широта постановки вопроса предполагает приоритет именно социально-философского подхода к историческому сознанию, а не психологического. Очевидно, что общество не может быть уподоблено отдельному человеку, а механизмы его воспроизводства не всегда могут быть теоретически верно описаны и объяснены с помощью психологических понятий. В-четвертых, ни в одной из известных работ Й. Рюзена не конкретизируется понятие «практическая жизнь», что также вносит некоторую двусмысленность в понимание сущности исторического сознания. В-пятых, как и многие современные исследователи в ФРГ, Й. Рюзен использует достижения нарративной психологии

и рассматривает процедуру наррации в качестве базового способа бытия исторического сознания, однако насколько нарратив действительно может выступать в качестве онтологического основания опыта времени, минуя мышление, преднарративные механизмы исторического опыта, насколько логика нарратива способна воспроизвести логику жизни, если таковая вообще имеется? В-шестых, сама классификация типов исторического сознания выглядит несколько схематичной и, кстати, уже подвергалась попыткам ее модернизации и критического осмысления [12, с. 92–101]. Тем не менее указанные замечания несколько не снижают огромного теоретического потенциала результатов научной деятельности Й. Рюзена, пытающегося предложить синтетический подход к пониманию исторического сознания, а через него – исторической культуры и исторической жизни общества.

Список литературы

1. *Кимелев Ю. А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв. : аналитический обзор. М., 2009. 96 с.
2. *Рюзен Й.* Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 48–66.
3. *Rüsen J.* Historische Vernunft. Göttingen, 1983. 157 s.
4. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–27.
5. *Rüsen J.* History : narration-interpretation-orientation. L., 2005. 222 p.
6. *Робустова Е. В.* Реминисценция идей И. Г. Дройзена в концепциях нарративистской историографии Германии // Вестн. МГОУ. Сер. История и политические науки. 2010. № 1. С. 214–219.
7. *Rüsen J.* Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development // Theorizing historical consciousness / ed. P. Seixas. Toronto, 2006. P. 63–86.
8. *Rüsen J.* Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne ; Weimar ; Vienna, 1994. 264 s.
9. *Перов Ю. В.* Историчность и историческая реальность. СПб., 2000. 144 с.
10. *Rüsen J.* Sense of History : What does it mean? With an Outlook onto Reason and Senselessness // Meaning and representation in history / ed. by J. Rüsen. L., 2005. P. 40–65.
11. *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен» : проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 38–63.
12. *Kan F. L. F.* On the historical consciousness of Hong Kong Students // Communacations (International Society for History Didactics). Vol. 20, № 2. P. 92–101.

The Problem of Historical Consciousness in The Jörn Rüsen's Philosophy and Theory of History

A. A. Linchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
3, Internatsionalnaya str., 398050, Lipetsk, Russia
E-mail: linchenko1@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive analysis of J. Rösen's theory of historical consciousness. It is one of the most widespread theories in modern foreign philosophy and theory of history. It emphasizes that J. Rösen's studies of the essence, structure, transformation processes and social functions of historical consciousness should be considered in the context of the idea of rehabilitation of the modern in present foreign philosophy and the searches of the synthesis of the achievements of narrative and hermeneutic philosophy of history. The idea of dynamic nature of J. Rösen's understanding of historical consciousness is justified. It is related to the interpretation of historical consciousness as a person's ability to orient in time and be a subject of memory culture. The key concepts of J. Rösen's theory of historical consciousness such as historical experience, interpretation, orientation, narrative competence and historical culture are analyzed and comprehended in the article. It is concluded that there is a need for further development of J. Rösen's theory in order to clarify the socio-ontological foundations of historical consciousness.

Key words: historical consciousness, Jörn Rösen, narrative, historical experience.

References

1. Kimelev Yu. A. *Zapadnaya filosofiya istorii na rubezhe XX–XXI vv.: analiticheskiy obzor* (The Western philosophy of history at the turn of XX–XXI centuries: analytical review). Moscow, 2009. 96 p.
2. Ryuzen Y. *Mozhet li vchera stat luchshe? O metamorfozakh proshlogo v istorii* (Could the past become better? On metamorphoses of the past in). *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialogue with time. Intellectual History Review), Moscow, 2003, vol. 10, pp. 48–66.
3. Rüsen J. *Historische vernunft*. Gottingen, 1983. 157 s.
4. Ryuzen Y. *Utrachivaya posledovatelnost istorii* (Loosing the order of history). *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialogue with time. Intellectual History Review). Moscow, 2001, vol. 7, pp. 8–27.
5. Rüsen J. *History: narration-interpretation-orientation*. L., 2005. 222 p.
6. Robustova Ye. V. *Reministsentsiya idey I.G. Droyzena v kontseptsiyakh narrativistskoy istoriografii Germanii* (The Reminiscence ideas of I.G. Droysen in the concepts of German narrative historiography). *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* (The MGOU Review. History and political sciences), 2010, no. 1, pp. 214–219.
7. Rüsen J. *Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development*. Theorizing historical consciousness / ed. by P. Seixas. Toronto, 2006. pp. 63–86.
8. Rüsen J. *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne, Weimar, Vienna, 1994. 264 s.
9. Perov Yu. V. *Istoricnost i istoricheskaya realnost* (Historicity and historical reality) St. Petersburg, 2000. 144 p.
10. Rüsen J. *Sense of History: What does it mean? With an Outlook onto Reason and Senselessness*. Meaning and representation in history / ed. by J. Rüsen. L., 2005. pp. 40–65.
11. Ryuzen Y. *Krizis, travma i identichnost* (Crisis, trauma and identity). «*Tsep vremen*»: *problemy istoricheskogo soznaniya* (The Chain of Time: problems of historical consciousness). Moscow, 2005, pp. 38–63.
12. Kan F. L. F. *On the historical consciousness of Hong Kong Students*. *Communacations* (International Society for History Didactics), vol. 20, no. 2, pp. 92–101.

УДК 1:316.3

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЯ И КИТАЙ

В. А. Ручин

Ручин Владимир Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет
E-mail: r-vl@yandex.ru

Культура представляет собой социальное явление с точки зрения её материальных и духовных ценностей, а образование есть выделенная в социуме сфера идеального бытия, связанная с субъектом. На всём протяжении собственной истории образование развертывается в таком направлении и настолько, насколько в нём выражена интенция, обозначающая ключевую идею, цель, рефлексивную направленность на данный аспект. Именно в образовании можно обнаружить интенциональность

сознания: вычленив в нём акты мышления и их содержание. Другими словами, жизнь человека начинает мотивироваться новыми установками, и лишь в этой установке – возможными целями и методами мышления. В данной ситуации совершается переход от простого обучения «чему-то» к образованию не только с точки зрения его практических установок, но и с точки зрения определенной идеи. Отсюда вытекает трансцендентальный смысл образования. Именно изначальная идея наполняет

